

Дзинннь!

Упущенный мойщицей посуды тонкостенный, с голубыми ободками стакан закончил своё существование на бетонном полу.

«Третий уже за сѣдни... – произвольно отметила про себя мойщица, бабка Валя. – И-эхх, рученьки мои, рученьки... Допилась».

Проворно схватившись за веник, она поспешила смести осколки на кусок газеты, с недавних пор постоянно хранимый в кармане тёмно-синего халата. Осторожно завернув их в обрывок, она постаралась запихнуть пакетик на самое дно мусорного ведра. Стервоза – новая заведующая кафе – повадилась совать в него нос, появляясь в моечной. В отбросах она, конечно, не копалась, а вот если углядит битую посуду – сразу на её двойную стоимость штрафует. А зарплата у бабки Вали не резиновая.

Со злом и через силу она домыла очередную порцию тарелок и получила временную передышку. Женщина вытерла красные распаренные ладони о замусоленное полотенце и неслышно прокралась в коридорчик, откуда была видна часть зала кафе. Там шла-катилась далёкая от бабки Вали чужая застольная жизнь, долетающая до моечной лишь одной своей стороной: грязной посудой с остатками еды.

За ближним столиком, у колонны с табличкой «Спиртные напитки приносить и распивать строго воспрещается!» расположились два парня и девушка. Несмотря на летний день, молодые люди были в пиджаках. У находившегося лицом к бабке Вале над нагрудным карманом висело три медали: две на пятиугольных колодочках и одна – на прямоугольной, меньшего размера и с боковыми выемками. Второй парень сидел к бабке Вале спиной, однако та сразу смекнула: награды, верно, есть и у него. И ещё поняла, что разговор в компании «афганцев» – а кем бы ещё они могли быть – не клеится.

Залпом проглотив остатки компота, парень, устроившийся напротив мойщицы, достал из кармана складной ножик. Раскрыл его, поднял с пола на колени небольшую спортивную сумку и чуть расстегнул её молнию. Со своего наблюдательного пункта бабка Валя отчётливо заприметила высунувшееся из кожаных недр бутылочное горлышко и зачарованно сглотнула.

Жадно, немигающе смотрела она, как, срезав верх пластиковой пробки, парень воровато разливал под столом вино в стаканы из-под компота, как девушка тихо протестовала, накрыв ладонью свой, недоопорожненный, как второй парень тоже пытался урезонить друга. Но тот упорно настаивал и отобрал-таки у девушки стеклотару, оставшийся в ней напиток выплеснул в тарелку из-под первого, а освободившийся стакан тоже наполнил спиртным. Сумку опустил на пол и негромко – бабка Валя едва разобрала слова – произнёс:

– За ушедших в бессрочный отпуск!

Не чокаясь, парни разом проглотили вино. Однако девушка пить не стала.

– Ты что? – с ноткой возмущения выпалил первый парень.

Девушка, жестикулируя, опять стала отказываться. Да и второй парень снова вмешался, пытаясь сгладить ситуацию.

– Нет, ты подумай! – уже громче воскликнул первый, и в его сторону оглянулись двое посетителей. – Она, видите ли, совсем ни-ни! И даже за это!

Девушка молча сгорбилась над непочатым стаканом. Её сосед приподнял согнутую в локте руку, урезонивающе качнул ею, и бабка Валя углядела, что кисть у сидящего к ней спиной изуродована: не хватает двух пальцев – мизинца и безымянного.

– Не бузи, люди смотрят...

– Да иди ты! – яростно дёрнул плечом первый парень, и от резкого движения медали его тревожно звякнули. – Тоже, нашёл... кандидатку на благоверную! – в запальчивости продолжил он. – Мы инвалидами, войной выжатые и отброшенные, вернулись, на фиг никому не нужны, ни работы путной, ни угла! Зато бюрократы в коридорах власти смеются: а мы вас туда не посылали! Одному такому функционеру поганому я и предъявил: а что ты, сука, сделал, чтоб я туда, в натуре, не ездил? Крик, скандал, за малым до вызова милиции, не дошло... Ладно, какие-никакие, а на гражданке, о чём под обстрелами мечтали? Как-то бескровную жизнь устраивать надо. Так с кем? С ней? Которой на наших погибших братьев начхать?

Всплеснув руками, девушка выскочила из-за стола и бросилась к выходу. Следом кинулся и её сосед, на ходу обругав первого парня:

– Ну и скотина же ты!

На пиджаке, метнувшегося за девушкой, мойщица рассмотрела две медали и большую красную звезду – орден. Точь-в-точь такой же она хранила дома, в ящике стола. И ещё, как у обоих парней, медаль на прямоугольной, с выемками, колодочке: «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа».

Подхватив сумку, со словами «Постой, брат, я же не хотел!», из кафе, прихрамывая, заторопился и последний из рассорившейся компании. Бабка Валя сразу подумала, что теперь его другу придётся делать трудный выбор меж будущей женой и боевым товарищем. Одновременно пришла мысль, что остаток вина, скорее всего, сейчас разольётся в сумке. А в следующий миг внимание наблюдательницы приковал оставшийся на столе нетронутый стакан с вином.

Решение пришло сразу. На ходу срывая с себя заляпанный клеёнчатый фартук, бабка Валя вбежала в моечную, подхватила поднос с выщербившимся краем и поспешно выкатилась в зал – вроде бы собрать со столов грязную посуду.

Только очутившись с драгоценной добычей в своём закутке, добытчица перевела дух. Стакан рубинового вина она надёжно укрыла за горкой чистых тарелок. Теперь только выждать удобный момент и...

В приподнятом настроении бабка Валя полоскала посуду, а в памяти одинокой, рано состарившейся женщины предпенсионного возраста, как в ускоренном кино, бежали картины-воспоминания.

Родителей – в сорок первом у шестилетней деревенской девчонки – забрала война. Спасибо, дальняя родня приютила, с голоду помереть при немцах не дала. Да так и прижилась девочка у пожилой троюродной тётки, которая полюбила её будто родную дочь. Своих-то детей у родственницы не было.

Давно окончились бои-сражения, прошли-промчались и школьные годы Валентины... Расцвела, несмотря на все невзгоды тяжёлого – особенно для деревни – времени девушка, заневестилась. (Трудилась она после восьмилетки дояркой.) А тётка – натура активная, властолюбивая, считавшая своим долгом и дальше наставлять племянницу, желчно поучала её насчёт деревенских женихов. И тот, мол, тебе не пара, и

этот: один – ленив, другой – до вина охочий, третий – эгоист с макушки до пят, четвёртый – похотлив, аки кот... «Не торопись! Осмотришь! Не ошибись!» – талдычил надзиратель в юбке. Мягкая незамужница покорялась, а в душе со всей серьёзностью надеялась на «принца на белом коне» и мечтала о какой-то иллюзорной счастливой жизни.

И ведь приехал на малую родину в отпуск, после окончания училища, новоиспечённый лейтенант, а познакомились молодые люди по случаю – в сельском магазине... Да чуть ли не через неделю уже и посватался офицер к ладной девушке с богатой тёмно-русой косой, вскорости же и скромную свадьбу сыграли. Этому браку тётка противиться не стала. Вот только отправляться супругам по мужнинуму распределению пришлось в зауральскую глухомань.

На втором году после свадьбы родился сын. Домохозяйкой просидела с ним молодая мать весь сибирский срок погонной службы мужа. Не кем было ей устроиться на работу в отдалённой воинской части, да и детского сада рядом не имелось. Хорошо хоть, что к тому времени, когда муж в хрущёвские «миллион двести» угодил, семью, наконец, в крупный город перевели. Сын только и успел в школу пойти, как отца – к тому времени капитана – на гражданку безжалостно выкинули. Без пенсии, без квартиры, без специальности. И подался тогда уволенный в запас офицер на Север в надежде там дензнаков на собственное жильё наколотить.

Временный якорь бросил в посёлке Тазовском, в шестидесятых – центре промышленного освоения Заполярья, возросшем из старинной фактории Хальмер-Сэде – в переводе с ненецкого «сопка покойников»: когда-то здесь, на огромном холме, располагалось действующее кладбище. Переквалифицировался в рыбодобытчика, стал по Обской губе ходить, «живое серебро» выуживать. И поначалу удачливо. Только

через несколько месяцев сгинул. А местные власти его особо и не разыскивали: край глухой, да и впервые разве такое. И как ни накладно было, а поехала вдова не вдова сама в Ямало-Ненецкий автономный округ...

Увы: всё то же, ни с чем воротилась. Подказали, правда, ей шёпотом, что со злыми людьми – грязных дел воротилами – капитан запаса прилюдно схлестнулся, вот они его, видать, и порешили. А могилку искать – велика тундра, страсть как велика...

Ой, всякого горюшка нахлебалась женщина, пока сына на ноги подняла! Да ведь как уговаривала, чтоб в военное училище не поступал – чуяло беду материнское сердце-вещун.

И-эхх! Не уговорила. По отцовским стопам сын пошёл. Окончил с отличием военный вуз и – одним из первых в мотострелковом полку – написал рапорт с просьбой направить служить в Афганистан. Храбро провоевал там неполный год, заслужил орден и звание старшего лейтенанта... А потом в очередном жестоком бою достали его осколки душманской гранаты. И вернулся кавалер Красной Звезды домой в «Чёрном тюльпане».

Вот тогда-то, на поминках, и присмотрелась бабка Валя к наградам сыновних сослуживцев. Двое их, капитан и сержант, цинковый гроб с павшим сопровождали, вскрыть домовину так и не позволили, и словосочетание «бессрочный отпуск» впервинку от них бедолажная услышала. Ох, раненько выпал он её единственной кровинушке!

Нет на свете горя ужаснее, чем матери – своё дитя пережить. Оттого и пыталась она наложить на себя руки... Спасибо, добрые люди подросли, из петли вынули. Пять лет после того, не снимая, носила осиротевшая чёрный платок. И каждый день, в любую стужу и дождь, ходила вечерами на родимую могилку. Посидит на скамеечке перед типовым

обелиском из оцинковки с красной звездой и единой обезличенной фразой: «Погиб при исполнении служебных обязанностей». Прошлое вспомнит, с сыном поговорит. Будущего-то светлого уж впереди и не осталось.

От одиночества горького потихоньку и к рюмочке пристрастилась. А уж зелье хмельное и довело до места мойщицы. Кажется, уже веки вечные женщина над грязными тарелками спину гнёт, и теперь все её не иначе как бабкой Валею кличут, только вот не судьба ей оказалась внуков понянчить. Слава богу, хоть какое-никакое жильё к старости имеется: комната в коммуналке. Да до пенсии ещё неполный год надо дотянуть. Ну ничего, недолго осталось. К тому же в кафе по-любому лучше, чем дома затворницей отсиживаться: всё к людям поближе...

Так думала бабка Валя, в приподнятом настроении перемывая посуду и нет-нет да поглядывая в уголок, где за тарелками прятался заветный стаканчик. Наконец, улучив момент, достала его из тайника.

«А от сердца парень-то с медалями сказал, – подумалось ей. – И почему бы усопших глотком вина не почтить. Хотя и сильничать здесь... тоже не с руки. И-эхх! Вечная моим родненьким память и Царствие Небесное!»

И бабка Валя с наслаждением вытянула содержимое стакана.

– Ты! Старая дура! – В дверях моечной стояла стервоза. – Опять за своё? Сколько раз я тебя предупреждала?! Ну, всё: завтра можешь не выходить, я тебя уволила! По статье! Слышишь?! По статье!!!

Дзиннннн!

Упущенный бабкой Валею тонкостенный, с голубыми ободками стакан закончил своё существование на бетонном полу...